

И. Владимирски, М. В. Кротова

**КНИГИ И ВСТРЕЧИ: ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНОГО МИРА  
ЕВРЕЙСКОГО КУПЦА В СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX И XX ВВ.**

doi: 10.30759/1728-9718-2019-1(62)-79-86

УДК 94(571)“18/19”

ББК 63.3(253)531

На основе анализа документов из личного архива сибирского золотопромышленника Якова Фризера воссоздается процесс формирования духовного мира еврейского купца на рубеже XIX и XX вв. Эго-документы являются одним из ключей к расшифровке символического языка ментальности. Сохранившийся у потомков Якова Фризера в Израиле его личный архив — заметки, дневники, воспоминания, письма — представляет собой уникальное явление и может быть использован для понимания становления его личности. Авторы реконструируют образ Якова Фризера — еврея-самоучки из сибирского городка Баргузин, выбившегося в люди благодаря своим способностям и таланту, не только удачливого золотопромышленника, но и талантливый публициста, финансиста, романтика и моралиста. Показана роль круга чтения и встреч с выдающимися людьми в процессе формирования духовного мира сибирского купца. Высказывается предположение о наличии в России нескольких параллельных систем взаимоотношений между различными стратами общества. Модель, сложившаяся в Сибири, сформировалась не как традиционная вертикальная иерархия, учитывавшая статус и происхождение, а как горизонтальная система, основанная на взаимодействии и взаимопроникновении разных религиозных и сословных групп, для которых социальные условности не имели значения.

Ключевые слова: *Яков Фризер, эго-документы, ментальность, личный архив, круг чтения, Сибирь, купечество, евреи*

Реконструкция внутреннего мира человека, его ментальности является для исследователей сложной задачей. Понятие духовного мира многослойно, противоречиво; изучение его требует особых подходов и невозможно без источников личного происхождения, которые, несмотря на субъективизм, позволяют составить представление об индивидуальном опыте человека, о становлении и трансформации его личности. Так, одним из ключей к расшифровке символического языка ментальности являются эго-документы и личные архивы.

Л. В. Сапоговская в своей книге о частной золотопромышленности на Урале и в Сибири подчеркнула, что «для изучения ментальных характеристик золотопромышленного предпринимательства как особой социально-корпоративной общности российской буржуазии незаменимую, уникальную информацию

представляют воспоминания “рядовых” золотопромышленников и управляющих компаний. Круг мемуарной литературы золотопромышленников и членов их семей ограничен».<sup>1</sup> О возможностях расширения источниковой базы, сочетания микро- и макроисторических подходов для изучения «социокультурного облика, ментальности, повседневной жизни» и для реконструкции биографий сибирских предпринимателей говорила О. А. Харусь.<sup>2</sup> В связи с этим изучение и введение в научный оборот документов из личного архива Якова Фризера позволяют не только найти новые ракурсы в осмыслении деятельности сибирского купечества, но и воссоздать процесс формирования духовного мира одного из ярких представителей еврейской диаспоры Сибири.

Яков Давидович Фризер (1869–1932) был заметной фигурой в торгово-промышленном мире конца XIX — начала XX в. Он родился в еврейской семье ссыльнопоселенца в Баргузине, маленьком городке Восточной Сибири. Получив домашнее образование, он вступил в семейное дело и вскоре стал одним из самых богатых золотопромышленников. Будучи

*Владимирски Ирена* — д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории общественной мысли, Академический колледж Ахва (Израиль, Ахва)  
E-mail: irena@achva.ac.il

*Кротова Мария Владимировна* — д.и.н., доцент, профессор кафедры международных отношений, медиаологии, политологии и истории, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (г. Санкт-Петербург)  
E-mail: mary\_krot@mail.ru

<sup>1</sup> Сапоговская Л. В. Частная золотопромышленность России на рубеже XIX–XX вв. Урал и Сибирь — модели развития. Екатеринбург, 1998. С. 21.

<sup>2</sup> См.: Харусь О. А. Гильдейское купечество Сибири: многообразие жизни и истории. Введение к специальной теме номера // Сиб. ист. исследования. 2016. № 2. С. 6.

деятельной и творческой натурой, он занимался общественной и благотворительной работой, вопросами краеведения, этнографией и статистикой, был знаком со многими выдающимися людьми своего времени.<sup>3</sup>

Личный архив Якова Фризера представляет собой во многих отношениях уникальное явление. Он был сохранен его вдовой и сыном и впоследствии вывезен в Израиль в 1948 г.<sup>4</sup> Это несколько тетрадей, отдельные бумаги, написанные по-русски в Харбине, куда автор перебрался в 1918 г. с началом упрочения советской власти в Сибири. Надо сказать, что записи в тетрадях (сохранились записи за 1925–1929 гг.) являются попыткой воссоздать дневники, оставленные в 1918 г. вместе с богатой библиотекой и архивом в Иркутске, и носят характер воспоминаний. Их нельзя считать «синхронным документом», в них возможны искажения событий, неточности в датах, многие детали нуждаются в уточнениях. Однако в этих текстах важна авторская интонация, попытка увидеть себя со стороны, оценить вектор своего жизненного развития, воссоздать «прошлое как личное пережитое ощущение, запечатленное в слове»,<sup>5</sup> тем более что круг интересов и связей Фризера был очень широк: в его записях содержатся многочисленные упоминания о людях, которые оказали непосредственное влияние на формирование его мировоззрения, бытовые подробности жизни еврейского купечества Восточной Сибири. Особый, глубоко личный взгляд сибирского золотопромышленника, обилие деталей и точных характеристик заставляют внимательно относиться к этому источнику, поскольку он имеет большой исследовательский потенциал.<sup>6</sup>

Из содержания записей Якова Фризера 1920-х гг. можно сделать вывод о том, что он с молодых лет приучил себя вести дневник с целью самоанализа и анализа (а не простой фиксации) событий и встреч с историческими личностями. Он выступает в роли и стороннего наблюдателя, и главного героя, противопоставляя себя стандартно мыслящим людям. Именно это свойство обособленности от окру-

жающего большинства людей прослеживается как в различных записях и письмах к сыну, так и в поступках Якова Фризера. Первую тетрадь он начал в августе 1925 г. следующей фразой: «Мысль о записи своих воспоминаний явилась у меня давным-давно, еще в то время, когда я не разбирался в необходимости для этого хотя бы небольших знаний и подготовки. <...> К тому же я, с детских лет, не знаю даже под чьим влиянием, много читал без всякого руководства и разбора. Возможно, что поэтому меня очень рано считали более выдающимся своих сверстников».<sup>7</sup> Об его обособленности свидетельствует и запись на календарном листке от 28 июня 1929 г. (Харбин): «Я всегда стою за меньшинство потому, что ум никогда не имеет большинства».<sup>8</sup>

Значительное место в записях Якова Фризера занимает перечень книг, которые оказали на него большое влияние. Известно, что книги, прочитанные в детстве и юности, сопровождают человека иногда всю жизнь: по ним сверяются успехи и неудачи, на их основе анализируются поступки, из них извлекаются уроки на будущее.<sup>9</sup> Упоминание о книге или о ее главных героях невольно ставит вопрос о критериях выбора книг для чтения, который связан со степенью доступности разнообразных книг как по тематике, так и по стилю и языку.<sup>10</sup> Из записей можно понять, что в доме Фризеров в Баргузине была довольно большая библиотека, составленная хаотически, но достаточная для того, чтобы удовлетворить любопытство мальчика в разных областях знаний. Яков Фризер не писал, кем и как подбирались книги, однако интересно упоминание о наличии в библиотеке как оригинальных, так и переводных изданий. Под оригинальными подразумевались книги, изначально написанные на русском языке или на иврите, а под переводными — переведенные на русский язык в основном с европейских языков.

Уже в первых строках своего дневника Яков Фризер использует цитаты из Ветхого завета, который он неплохо знал. Подобно многим еврейским мальчикам, он учился в еврейской школе (хедер), где постигал основы традиционного религиозного образования. В отличие от черты

<sup>3</sup> См.: Кальмина Л. В. Сибирский золотопромышленник и меценат Яков Фризер // *Вопр. истории.* 2003. № 3. С. 142–144.

<sup>4</sup> В настоящее время хранительницей архива является внучка Якова Фризера проф. Тамар Александр-Фризер.

<sup>5</sup> Chartier R. *The Author's Hand and the Printer's Mind.* Cambridge, 2014. P. 123, 124.

<sup>6</sup> См.: Confino A. *Memory and the History of Mentalities* // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook.* Berlin, 2010. P. 77.

<sup>7</sup> Личный архив Тамар Александр-Фризер и Дана Фризер (далее — ЛА). Записи Я. Д. Фризера. Тетр. 1. Л. 1. Здесь и далее сохранен авторский стиль и пунктуация.

<sup>8</sup> ЛА. Различные бумаги Я. Д. Фризера.

<sup>9</sup> См.: Darnton R. *The Case for Books. Past, Present and Future.* New York, 2009. P. 21–23.

<sup>10</sup> См.: Manguel A. *A History of Reading.* New York, 2014. P. 20, 21.

еврейской оседлости, где разговорным языком был идиш, в среде сибирских евреев разговорным языком был русский, здесь также наблюдалось тяготение к русской культуре. Сибирские евреи выделялись внешней ассимиляцией, отличаясь от своих единоверцев черты оседлости. Они не были особо набожны: посещали синагогу в основном по праздникам, торговали и в праздничные дни, и по субботам, если того требовали интересы дела, далеко не все соблюдали религиозные посты. Вместе с тем они стремились дать мальчикам еврейское образование. По отношению к «российским» единоверцам сибирские евреи отличались высокомерием, считая их стоящими ниже себя.<sup>11</sup>

Еврейское образование трактовалось Фризером очень широко: оно включало в себя знание не только книг Священного писания, но и произведений представителей еврейского Просвещения, писавших на библейском иврите. Так, в записях Фризера упоминались писатель и переводчик Калман Шульман и писатель и поэт Миха Иосиф Лебенсон. Они оба жили в Вильно, учились в знаменитых Вильненских йешивах, оба писали на иврите произведения как религиозного, так и светского характера и публиковались в еженедельнике «Русский еврей» (1879–1884), который не часто, но доходил до Сибири. Фризер не указывал, какие именно книги К. Шульмана и М. Лебенсона были в домашней библиотеке, но вспоминал: «Будучи уже взрослым, я находил на полях еврейских книг сделанные мной примечания и некоторые, принимая во внимание 11–13-летний возраст, довольно серьезные. Жаль, что здесь (в Харбине. — *И. В., М. К.*) не оказалось ни одной из тех книг. Никто меня не учил сохранять книги, по которым учился или читал в том возрасте».<sup>12</sup> С этих лет он начал самостоятельно выписывать и покупать книги, что было необычным увлечением для подростка.

Со временем тяга к чтению только усиливалась, а поскольку Яков читал без разбора все, что попадалось под руку, то очень рано он пристрастился к изучению профессиональной литературы. Проведя лето 1883 г. на семейном прииске, наряду с практическим изучением работы машин по промывке золотосодержащих песков, он начал читать все имеющиеся на прииске книги по горному делу. Он пишет: «Кажется, я

был единственный читатель их. Несмотря на отсутствие теоретической подготовки, мне показалось довольно понятным изложение книжек. К концу лета начал указывать управляющему приисками (старому практику без всякого образования) на возможные улучшения в производстве работ, почерпнутых в книжках».<sup>13</sup> Попав впервые в Иркутск, Яков сразу заметил единственную в то время в городе книжную лавку. Там он покупал почти все книги из новых поступлений, а поскольку счет посылался на имя отца, то очень скоро последовало запрещение на покупку такого количества книг.<sup>14</sup>

Страсть к чтению и собиранию книг не ослабевала, и, попав в Иркутск следующей зимой 1884/85 г., Яков решил собирать свою собственную библиотеку. При этом он отличался «систематизмом» и пунктуальностью: заносил сначала сведения в картотеку, а потом отмечал на экслибрисе порядковый номер книги, ее стоимость, дату приобретения и тематику, а также место книги на книжной полке. Интересно проанализировать первые книги, положившие начало личной библиотеке Фризера. В записях он упоминал «Историю цивилизации в Англии» Генри Томаса Бокля, «Богатство народов» Адама Смита, книги по самовоспитанию Самюэля Смайльса и Роберта Оуэна, популярные издания по зоологии, геологии и другим наукам. Книги С. Смайльса оказали на него, как и на многих молодых людей того времени, большое влияние: они повествовали о том, как можно добиться успеха и сделать свою жизнь богаче интеллектуально, эмоционально и экономически.<sup>15</sup> Подборка книг в полной мере отражала литературные пристрастия образованной части читающей сибирской публики, большинство которой составляли политические ссыльные и неблагонадежные, сосланные под надзор полиции. Именно они формировали в конечном счете ассортимент поступающих в магазины книг и вкусы таких пылких читателей, как Яков Фризер. Он вспоминает: «Одновременно прочитывал кучу французских романов, но более всего заинтересовался романом Шпильгагена "In Reih und Glied"».<sup>16</sup> Ознакомление

<sup>13</sup> Там же. Л. 24об., 25.

<sup>14</sup> Там же. Л. 27.

<sup>15</sup> См.: Smiles S. Self-Help with illustrations of Conduct and Perseverance. London, 1897.

<sup>16</sup> Фридрих Шпильгаген — известный немецкий писатель второй половины XIX в., романтик. Упоминаемый роман известен в русскоязычном переводе как «Один в поле не воин»; он посвящен революционным событиям 1848–1849 гг.

<sup>11</sup> См.: Островский Ю. Сибирские евреи. СПб., 1911. С. 7, 8, 26, 27; Войтинский В. С., Горнштейн А. Я. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. С. 67–69.

<sup>12</sup> ЛА. Тетр. 1. Л. 14об.

с ним ввело меня в курс народной борьбы за улучшение государственного строя, и это дало толчок к переходу на историю, как Луи Блана, Шлоссера, Вебера<sup>17</sup> и отдельные монографии о революционных движениях в Европе».<sup>18</sup> Это пробудило интерес к жизни и деятельности революционеров, таких как Лассаль, Герцен, Бакунин и др. Особенно примечательно упоминание об основоположнике I Интернационала: «...смутно вырисовывалась в моем юном и недисциплинированном воображении могучая фигура К. Маркса».<sup>19</sup>

По мере взросления и вовлечения в дело управления семейными золотыми приисками у Фризера возрастал интерес к изучению профессиональной литературы, касающейся горного дела, золотопромышленности и имеющей сугубо прикладное значение. Он пишет: «Я, пожалуй, один из немногих золотопромышленников и тем более из “самых молодых” собирал и прочитывал всю имевшуюся сравнительно убогую литературу, касающуюся истории экономики, законодательства и вообще изучения золотого дела. Пересмотрел хранившиеся на прииске старые архивы и нашел там очень важные и ценные документы, благодаря которым обнаружил новые прииски. Также благодаря тем же архивным материалам произвел улучшения в счетоводстве и отчетности».<sup>20</sup>

Особо и многократно упоминались в записях Фризера материалы, касавшиеся экспедиции Русского географического общества 1866 г. под руководством П. Кропоткина и И. Полякова по исследованию сухопутного пути между Забайкальской областью и Олекминско-Витимской тайгой.<sup>21</sup> Пожар 1879 г. в Иркутске уничтожил замечательный городской краеведческий музей, в котором хранились не только богатейшие коллекции по истории Забайкалья, но и библиотека и архив экспедиции П. А. Кропоткина. Через иркутскую газету «Восточное обозрение» Фризер пытался восстановить материалы той экспедиции и собрать воспоминания ее участников,

но по причинам политической цензуры все, что было связано с именем П. А. Кропоткина, находилось под запретом. Те материалы, которые удалось разыскать в приисковой библиотеке золотопромышленника Н. П. Герасимова, стали для Фризера «путеводной звездой».<sup>22</sup> Почти во всех своих опубликованных работах он отмечал, что самые удачные свои прииски он открыл руководствуясь материалами, которые нашел в отчетах этой экспедиции. В 1912 г. он даже совершил своего рода паломничество в Лондон, где навестил П. А. Кропоткина. Об этой встрече он вспоминает: «Беседа касалась различных вопросов, в том числе и экономического будущего Сибири. Память Кропоткина поражала, и он прекрасно помнил географию местности и кратко набросал свою теорию о речном бассейне страны».<sup>23</sup>

Смерть отца и необходимость «по-взрослому» руководить семейными приисками натолкнули Я. Фризера на мысль получить фундаментальное образование с помощью частных учителей, но из этого мало что получилось, и он вновь возвратился на сложный путь самообразования. Свое свободное время он использовал для конспектирования лекций курса политической экономии профессора Московского университета А. И. Чупрова и общего курса по геологии профессора Санкт-Петербургского университета А. А. Иностранцева.<sup>24</sup> В походной сумке молодого Фризера постоянно имелись книги по горному законодательству, отчеты Сибирского отделения Русского географического общества с описанием местностей и карты Баргузинского района. Умение применять полученные знания на практике помогало Фризеру оценивать экономический потенциал приисков, которые он собирался приобретать.

1888 год ознаменовался в истории Баргузина важным событием: подающий надежды 19-летний золотопромышленник Яков Фризер решил организовать в городе общественную бесплатную библиотеку. С этой целью он привлек к работе местную интеллигенцию, разработал устав правления библиотеки, собрал книги, составил планы дальнейшего формирования библиотечного фонда, купил здание для библиотеки. В своих записях Фризер отмечает: «Все это делал интуитивно, даже не уяснял, что делаю серьезное культурное

<sup>17</sup> Речь идет о Карле фон Вебере — немецком историке, известном трудами по истории Саксонского королевского дома, главным смотрителем архивов которого он являлся.

<sup>18</sup> ЛА. Тетр. 1. Л. 32об., 33.

<sup>19</sup> Там же. Л. 33об.

<sup>20</sup> Там же. Тетр. 2. Л. 3об.

<sup>21</sup> Кропоткин П. А. Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции для отыскания скотопроегонного пути из Нерчинского округа в Олекминский, снаряженной в 1866 году олекминскими золотопромышленниками, при содействии Сибирского отдела Географического общества. СПб., 1873.

<sup>22</sup> Фризер Я. Д. П. А. Кропоткин в Сибири // Новости жизни (Харбин). 1921. 4 марта. № 46.

<sup>23</sup> Там же.

<sup>24</sup> ЛА. Тетрадь № 2. Л. 4.



дело. Мною не руководило, как и впоследствии в более серьезные созданные мною культурно-образовательные организации, ни честолюбие, ни тщеславие».<sup>25</sup> Собираение книг и создание библиотек стало для Фризера настоящим хобби. Переехав впоследствии в Иркутск, он не забывал свое баргузинское детище, продолжая поддерживать библиотеку материально и подарив ей купленное им здание. На своих приисках, где рабочие находились постоянно, Фризер тоже создавал библиотеки, причем он лично контролировал покупку книг, полагая, что «для чтения рабочих и даже служащих предпочтительно выписывать произведения лучших писателей, как русских, так и иностранных (в переводе), изданных в одном томе в дешевом издании».<sup>26</sup>

Можно предположить, что лучшие произведения русских и зарубежных писателей определялись читательским опытом самого Фризера. Вместе с отчетом экспедиции П. А. Кропоткина он зачитывался романами Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и И. С. Тургенева «Отцы и дети», примкнув к кругу студентов, исключенных из столичных университетов и сосланных в Баргузин под надзор полиции. После женитьбы в 1890 г. на дочери известного Нерчинского золотопромышленника Фейселя Рифа Надежде, Фризер в записях подчеркивает: «К чтению не охладел, и моя личная библиотека начала усиленно пополняться. Выписывал несколько газет и журнал «Вестник Европы» и какой-то еще. В эти же годы читал довольно много на еврейском языке».<sup>27</sup>

Значительное место в записях Фризера занимает описание встреч с самыми разными людьми, которые определили направление его жизни. О роли политических ссыльных — декабристов, участников польских восстаний, народолюбцев, революционеров — в жизни сибиряков существует большой корпус литературы. Судя по записям Фризера, среди жителей Баргузина еще была жива память о сосланных туда декабристах как о значительных людях. В семье Я. Фризера из поколения в поколение передавалось предание о том, что его дедушка по материнской линии Хейкель Новомейский был фактически спасен от голодной смерти

благодаря декабристу Михаилу Кюхельбекеру, сосланному на поселение в Баргузин: Кюхельбекер нанял его выкопать в своем доме подпол, а потом и посодействовал ему в организации собственного извоза, сведя с нужными людьми, о чем писал своему брату Карлу Кюхельбекеру, также отбывавшему ссылку на поселении в 30 верстах от Баргузина.<sup>28</sup>

Одно из первых ярких воспоминаний детства Якова Фризера было связано с прибытием летом 1879 г. в Баргузин партии политических ссыльных, которых учитель местной еврейской школы сравнил с упоминаемым в книге Исхода «нашествием саранчи, уничтожающей все посевы, т. е. все доброе, что посеяла и дала народу власть».<sup>29</sup> Сравнение озадачило десятилетнего Якова, но «политические» показались ему необычными людьми. Особенно поразила его крупная фигура женщины, эдакое сочетание женщины-мужчины. Как оказалось, это была знаменитая революционерка, «бабушка» Е. К. Брешко-Брешковская, которая ласково стала разговаривать с детьми. Через 50 лет, в июне 1929 г., Фризер написал ей в Париж очень теплое и восторженное письмо, приложив статью о ней для газеты «Последние новости»: «Своими воспоминаниями я только хотел выразить ту беспредельную любовь и благоволение, которые к Вам питали все имевшие близкое счастье Вас знать».<sup>30</sup> Позже Фризер назовет один из своих золотых приисков Брешковским. Дальнейший личный опыт общения с политическими ссыльными только усилил позитивное отношение к ним. Яков пишет: «Моими первыми учителями по общим предметам были те же ссыльные, и если по каким-то непонятным для меня причинам эти интеллигентные люди не дали мне достаточно знаний, то общее развитие, любовь к книгам и дух протеста против насилия — получил от них».<sup>31</sup>

С детства, сопровождая своего отца в поездках, Яков сталкивался со многими людьми, с которыми контактировал Давид Фризер. Традиционная социальная иерархия, препятствовавшая смешению разных социальных групп в обеих столицах, в Сибири мало соблюдалась. Так, Я. Фризер упоминал в своих записках не только о проводниках-бурятах,

<sup>25</sup> Там же. Л. 8.

<sup>26</sup> Фризер Я. Д. Номенклатура счетов золотопромышленного счетоводства и хозяйственно-технической отчетности. СПб., 1909. С. 5–12.

<sup>27</sup> ЛА. Тетр. 2. Л. 17.

<sup>28</sup> Рукописный отдел ИРЛИ РАН. Ф. 6. Рукопись 1. Оп. 12. Д. 265. Л. 110б.

<sup>29</sup> ЛА. Тетр. 1. Л. 2–3.

<sup>30</sup> ГАРФ. Ф. Р-5975. Оп. 1. Д. 706. Л. 2.

<sup>31</sup> ЛА. Тетр. 1. Л. 70б.

рабочих и управляющих, но и о приятелях отца — иркутских купцах первой гильдии Белоголовых, в доме которых он встретил иркутского генерал-губернатора А. П. Игнатьева.<sup>32</sup> Кроме Белоголовых, знакомыми Фризер-старшего были томские купцы первой гильдии Хотимские — владельцы золотых приисков, мукомольных предприятий и пароходов; кяхтинские купцы-золотопромышленники и меценаты Сабашниковы; нерчинский купец Фейсель Риф, на дочери которого Яков Фризер впоследствии женился.

Помимо личных знакомств, контакты завязывались и по переписке. Заинтересовавшись геологией и археологией, Яков начал переписываться с основателем Нерчинского публичного музея А. К. Кузнецовым.<sup>33</sup> Это подтолкнуло Фризера совершить первую самостоятельную поездку по Забайкалью с целью ознакомления с историей, географией и природными ископаемыми края.

После женитьбы и смерти отца молодой Фризер решил попытать счастья в разных отраслях торговли (торговля чаем и овсом) и промышленности (золотодобывающая и угольная), с компаньонами и без них, заводил полезные связи и учился заключать сделки. Прибыв в Томск зимой 1891 г., он был сразу принят в круг местной еврейской буржуазии. Из записей Фризера можно составить представление об образе жизни и времяпрепровождении этого круга: «В то время состоятельные люди жили очень спокойно и привольно. В зимний сезон каждый вечер кто-нибудь устраивал журфикс, для каждой семьи установили определенный вечер, и знакомые приходили без приглашения. Собирались довольно рано, около 8 часов. Предварительно гостей угощали чаем с разнообразными печеньями, вареньями и сладостями. После чая пожилые усаживались играть в карты, а молодые, среди которых преобладали студенты, устраивались группами. Около двенадцати часов садились за лукулловский ужин с вином и закусками».<sup>34</sup> На

вечерах местной буржуазии часто появлялись профессора недавно открытого Томского университета, которые придавали собиравшемуся обществу некоторый интеллектуальный лоск.

Особо Я. Фризер отмечал участие всех без исключения купцов, евреев и неевреев, в общественно-культурных начинаниях: они охотно жертвовали на университет, университетскую библиотеку, на театры, книгоиздательство, на стипендии для малоимущих студентов. По своему богатству среди томских купцов выделялись Кухтерины, переселившиеся в Сибирь еще во времена Ивана Грозного и державшие в руках весь извоз, кожевенные и мукомольные предприятия, несколько винокуренных заводов и спичечную фабрику; Пушкиковы, известные золотопромышленники и торговцы оптом и в розницу; И. Л. Фуксман, купец первой гильдии, владелец мукомолен, пекарен и всех виноводочных заводов в округе. В Томске была и так называемая «просвещенная» буржуазия, видным представителем которой являлся П. И. Макушин, известный общественный деятель, издатель и книготорговец, имевший в Томске книжный магазин и паролитографию.

Важной встречей Фризер считал знакомство с Н. М. Ядринцевым летом 1891 г., когда он возвращался из Томска в Иркутск. На пароходе, шедшем по озеру Байкал, было много школьников и студентов. Они столпились вокруг немолодого человека, который им что-то с увлечением говорил и даже чертил на палубе. Это и был Н. М. Ядринцев, рассказывавший о найденных им в Монголии развалинах Каракорума — древней столицы Чингисхана. Вскоре между Фризером и Ядринцевым завязалась беседа, перешедшая в личное знакомство. Они часто встречались в Иркутском краеведческом музее, где Ядринцев помогал Фризеру ориентироваться в этнографических и археологических коллекциях. После трагической смерти Ядринцева в июне 1894 г. газетой «Восточное обозрение» была объявлена подписка по сбору денег на сооружение памятника на его могиле в Барнауле. Яков записывает: «Я внес свою лепту и этим выразил дань благодарности благородному чиновнику и сибиряку, первому давшему мне толчок проявить интерес к чисто научным вопросам».<sup>35</sup>

Открытие богатых Королонских золотых приисков в 1896 г. свело Фризера с горным инженером Л. Ф. Грауманом, тогда главным

<sup>32</sup> Там же. Л. 7 об.—9.

<sup>33</sup> Там же. Тетр. 2. Л. 22. Алексей Кириллович Кузнецов (1845–1928) происходил из богатой семьи херсонского купца, с отличием окончил Московское коммерческое училище, а потом и Московскую сельскохозяйственную и лесную академию. Увлеченный революционными идеями, примкнул к кружку «нечаевцев» и был приговорен к каторжным работам на 10 лет и на вечное поселение в Сибири с лишением всех прав состояния. Поселившись в Нерчинске, он начал интересоваться историей и археологией Забайкалья, создав один из лучших в России археолого-этнографических музеев.

<sup>34</sup> Там же. Л. 20.

<sup>35</sup> Там же. Л. 23–24.

управляющим Мариинских приисков. Практически каждый начинающий золотопромышленник в Забайкалье обращался к нему с просьбой об осмотре территории и разрешении золотодобычи на заявленной территории. Обычно дело ограничивалось формальной перепиской, но Фризеру нужно было больше, чем просто получение разрешения. Он хотел знать, как правильно и грамотно вести золотодобычу, как распределить работу между рабочими таким образом, чтобы занять их на прииске не сезонно, а в течение всего года. Интересна характеристика, данная Фризером: «Грауман меня принял не то, что холодно, а скорее, как умный, принципиальный и образованный человек. <...> Характерно то, что несмотря на видную и крупную роль, которую он играл в золотопромышленном мире — почти никто не знал его национальность, семейное положение и т. п. Пробыв во главе самого крупного в России золотопромышленного предприятия (Ленского золотопромышленного товарищества — *И. В., М. К.*), где под его началом работало служащих и рабочих временами больше десяти тысяч человек, и дело обслуживали тысячи поставщиков и посредников, никогда не слышно было, чтобы среди них [был] какой-либо его родственник».<sup>36</sup> Позже Грауман и Фризер тесно сотрудничали как члены Постоянной совещательной конторы золото- и платинопромышленников в Санкт-Петербурге.

Фризеру довелось познакомиться с семьей баронов Гинцбургов, с которыми он часто сталкивался в Петербурге, куда приезжал по делам Комитета золотопромышленников от Забайкалья. Сам барон Гораций Гинцбург на свои прииски, расположенные по течению Лены, не приезжал, а вот его сын Альфред там бывал не раз, и с ним у Якова Фризера завязались дружески-деловые отношения. Фризер не раз посещал Ленские золотые прииски Гинцбургов, а Альфред — Королонские прииски Фризера. Гинцбурги, как и многие другие, ценили Фризера прежде всего за деловую и профессиональный подход к делу и за стремление к усовершенствованию золотодобычи вместе с выработкой четких правил и законов, стимулирующих развитие этой отрасли в России.

С начала XX в. и вплоть до революции Фризер участвовал не только в профессиональных комиссиях по вопросам золотопромышленности, но и в комиссиях по дальнейшему про-

мышленному развитию Сибири и планированию строительства там железнодорожной сети. Вместе с иркутскими предпринимателями он разрабатывал проект постройки Тулун-Жигаловской железной дороги, получивший поддержку со стороны Ф. В. Витте, дальнего родственника всесильного министра финансов С. Ю. Витте, директора Иркутского отделения Русско-Азиатского банка и председателя Иркутского биржевого комитета, членом которого состоял и Яков Фризер. Положительная оценка проектам Фризера была дана и специальным экспертом, приглашенным в Иркутск, видным профессором-экономистом, членом Государственного совета и многочисленных правительственных комиссий Министерства финансов, торговли и промышленности И. Х. Озеровым: «При встрече с Озеровым в Правлении Лензолото (Ленского золотопромышленного товарищества. — *И. В., М. К.*) он мне сказал, что отметил мои книжки о золотопромышленности в его курсе политической экономии».<sup>37</sup> Первая мировая война, а затем и революция 1917 г. положили конец деятельности Фризера и не дали реализоваться многим его планам.

Благодаря личному архиву Я. Фризера можно воссоздать информационный ландшафт, оказавший непосредственное влияние как на его духовное развитие, так и на успешную профессиональную карьеру. Перемещения по Российской империи и за границей, обширные контакты с разными людьми — горными исправниками, ссыльнопоселенцами, проводниками-бурятами, рабочими, золотопромышленниками, чиновниками, учеными — делают Фризера фигурой, связывающей разные социальные, политические, экономические круги. Анализ документов личного архива сибирского золотопромышленника Якова Фризера позволяет сделать предположение о наличии в России нескольких параллельных систем взаимоотношений между различными стратами общества. В Сибири сложилась не модель, основанная на традиционной вертикальной иерархии, учитывавшей знатность происхождения, а горизонтальная модель, основанная на взаимодействии и взаимопроникновении разных религиозных и социальных групп. Население Сибири, за исключением государственных чиновников, которые всегда были своего рода временным чужеродным элементом, состояло из пораженных в правах, для которых социальные

<sup>36</sup> ЛА. Тетр. 2. Л. 41–44.

<sup>37</sup> Там же. Тетр.3. Л. 23об., 24.

условности, принятые в центральных российских губерниях, не имели никакого значения. Яков Фризер являлся продуктом этой особой среды, а поэтому не испытывал затруднений в общении, не тратил времени на поиск обходных путей и протекций, а обращался непосредственно к тому, кто был ему нужен и интересен. Он и сам был всегда открыт и доступен и для рабочих с приисков, и для иркутского генерал-

губернатора, с одинаковой легкостью общался и с министром финансов Витте, и с приисковыми рабочими. Создание такого особого сибирского человеческого конгломерата вписывается в теорию Бенедикта Андерсона о воображаемых сообществах, характерных для глобальных процессов, вызванных экономическим развитием, где связываются воедино время, пространство и человеческая солидарность.<sup>38</sup>

### **Irena Vladimirska**

Doctor of Historical Science, Achva Academic College (Israel, Achva)  
E-mail: irena@achva.ac.il

### **Maria V. Krotova**

Doctor of Historical Science, Saint-Petersburg State University of Economics (Russia, Saint-Petersburg)  
E-mail: mary\_krot@mail.ru

## BOOKS AND MEETINGS: THE FORMATION OF THE SPIRITUAL WORLD OF THE JEWISH MERCHANT IN SIBERIA AT THE TURN OF THE 19<sup>TH</sup>–20<sup>TH</sup> CENTURIES

The article is an attempt to reconstruct the formation of the spiritual world of Siberian Jewish entrepreneur Yakov Friser at the turn of the 19th–20th centuries through analysis of the documents from his personal archive. Ego-documents are one of the keys to deciphering the symbolic language of mentality. Yakov Friser's personal archive, which was preserved by his descendants in Israel, includes various notes, diaries and letters, it should be depicted as unique and could be used by researchers for understanding his personality formation. The authors reconstruct the image of Yakov Friser — a Jewish autodidact from the small Siberian town of Barguzin who became a self-made man due to his talents and abilities, not only a successful gold entrepreneur but also a talented publicist, financier, romanticist and moralist. The role of reading circle and encounters with outstanding persons in the process of development of the Siberian merchant spiritual world is shown. An assumption is made that there was a few parallel systems of interrelations between different strata of the Russian society. The outskirts Siberian model was different compared to the traditional vertical hierarchy based on giving status and origin, it was a horizontal one, based on the interaction and interpenetration of different social and religious groups where institutionalized social hierarchy had little or no importance.

**Keywords:** *Yakov Friser, ego-documents, mentality, personal archive, circle of reading, Siberia, merchants, Jews*

## REFERENCES

- Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2016, 413 p. (in Russ.).
- Chartier R. *The Author's Hand and the Printer's Mind*. Cambridge: Polity Press, 2014, 224 p. (in English).
- Confino A. *Memory and the History of Mentalities // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin: Walter de Gruyter, 2010, pp. 77–85. (in English).
- Darnton R. *The Case for Books. Past, Present and Future*. New York: Public Affairs, 2009, 218 p. (in English).
- Kalmina L. V. [Siberian gold entrepreneur and philanthropist Jacob Friser] *Voprosy istorii* [Issues of History], 2003, no. 3, pp. 142–144. (in Russ.).
- Kharus O. A. [The merchant guild of Siberia: the diversity of life and history. A foreword to the issue's special theme]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2016, no. 2, pp. 6–8. (in Russ.).
- Manguel A. *A History of Reading*. New York: Penguin books, 2014, 372 p. (in English).
- Sapogovskaya L. V. *Chastnaya zolotopromyshlennost Rossii na rubezhe XIX–XX vv. Ural i Sibir — modeli razvitiya* [The private gold industry of Russia at the turn of the 19–20 centuries. Ural and Siberia — development models]. Ekaterinburg: IIA UrO RAN Publ., 1998, 313 p. (in Russ.).

<sup>38</sup> См.: Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М., 2016. С. 18.





Я. Д. Фризер со своим управляющим С. А. Гольдбергом, 1902 г.  
Из фондов Иркутской областной государственной универсальной библиотеки  
им. И. И. Молчанова-Сибирского





Фотография рабочего кабинета Я. Д. Фризера в Харбине, 1930 г.  
Из личного архива Т. Александр-Фризер